

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960–1980-Х ГОДОВ

© 2021

Пахомов А.В.

Оренбургский государственный медицинский университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. Главной задачей исследования стало изучение представительства женских кадров в составе партийно-политической элиты Южного Урала в период расцвета советской политической системы, к которой преимущественно относят секретарский корпус областных, городских и районных комитетов Коммунистической партии, а также председателей исполкомов Советов соответствующего уровня. Основой для исследования послужили неопубликованные архивные документы, среди которых – личные дела номенклатурных работников, а также материалы статистических отчетов о качественном составе и сменяемости руководящих партийных кадров. Кроме того, автором проделана серьезная историографическая работа, в рамках которой проанализированы современные исторические и политологические исследования по теме женского политического лидерства. Установлено, что в составе регионального управленческого корпуса количество женщин было незначительным, что полностью соответствовало общегосударственным тенденциям. Доказано, что в исследуемый период женщины были широко представлены только на должностях третьих секретарей партийных комитетов, отвечающих за сферу идеологии. При этом в ходе исследования не было выявлено искусственно созданных барьеров и официальных установок для сдерживания женских кадров. По мнению автора, сложившуюся ситуацию можно объяснить экономическими особенностями изучаемого периода.

Ключевые слова: политическая элита; региональная политическая элита; советская номенклатура; секретарь партийного комитета; гендерная политика; гендерная асимметрия.

GENDER CHARACTERISTIC OF THE PARTY AND POLITICAL ELITE OF THE SOUTHERN URALS IN THE SECOND HALF OF THE 1960–1980S

© 2021

Pakhomov A.V.

Orenburg State Medical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The main task of this paper was to study the representation of women in the party and political elite of the southern Urals during the second half of the 1960s and 1980s, which mainly includes the secretarial corps of regional, city and district committees of the Communist party, as well as the chairmen of Executive committees of the corresponding level of Councils. The research was based on unpublished archival documents, including personal files of nomenclature employees, as well as materials of statistical reports on the qualitative composition and turnover of the leading party staff. In addition, the author has done a serious historiographical work, which analyzes modern historical and political research on the topic of women's political leadership. It was found that the number of women in the regional management corps was insignificant, which fully corresponded to national trends. It is proved that during the period under study, women were widely represented only in the positions of third secretaries of party committees responsible for the sphere of ideology. At the same time, the study did not reveal artificially created barriers and official installations for restraining women. According to the author, the current situation can be explained by the economic features of the studied period.

Keywords: political elite; regional political elite; Soviet nomenclature; Secretary of the party Committee; gender policy.

Постановка проблемы

В современной российской историографии широкую популярность стали приобретать исследования, посвященные проблеме женского политического лидерства. Подтверждением этому является увеличивающийся поток научных публикаций, монографий, проведение конференций и круглых столов. Особенно активно тема гендерного представительства стала разрабатываться на фоне поиска эффективной модели формирования руководящих управленческих кадров как в центре, так и на уровне отдельных регионов. Внешне попытка совершенствования управленческого корпуса видна по ажиотажу, развернувшемуся вокруг работы с так называемым кадровым резервом, которая уже стала частью региональной политики. К примеру, в Оренбургской области по инициативе нового губернатора Д.В. Паслера с осени 2019 г.

проводится кадровый конкурс «Команда Оренбуржья». Официально проект направлен на поиск «перспективных» руководителей для зачисления в управленческий резерв области и проводится по аналогии с конкурсом «Лидеры России».

Однако, как справедливо отмечает профессор О.В. Попова, «парадоксальным образом при наличии развитой схемы создания кадровых резервов, аттестации и наличия механизма ротации качество социального капитала людей, находящихся во власти, все еще не является удовлетворительным» [1, с. 22]. При этом многие исследователи важнейшим условием повышения эффективности управленческого аппарата считают реализацию политики гендерного равенства во властных структурах, отмечая, что женщины недостаточно вовлечены в процесс принятия управленческих решений. Уровень их представительства в

законодательных и исполнительных органах государственной власти остается низким. Одновременно авторы указывают на тенденцию, при которой, по мере повышения уровня должностей в системе управления, количественное представительство на них женщин снижается [2–8].

Первые исследования, посвященные проблеме женского политического лидерства, появились еще на закате советской эпохи. Однако более активно тема начала разрабатываться в начале 1990-х гг., когда резко возросло количество исследований и публикаций, освещающих участие женщин в политическом процессе [9, с. 102–103]. Современными авторами сделаны попытки рассмотреть проблему под разными углами, однако в большинстве работ прослеживаются достаточно схожие штампы. Вот некоторые из них. Во-первых, преобладающее представительство мужчин на руководящих должностях определяется как негативное явление и дискриминация женщин. При этом почти всегда особый акцент делается на женских качествах, которые, по мнению авторов, наилучшим образом подошли бы руководителю. К примеру, в одной из своих статей Н.П. Романова и И.В. Романова утверждают, что женщины менее склонны к столкновениям и конфронтации при решении большинства вопросов, более приближены к реальным проблемам общества, более эмоциональны и чувственны и менее коррумпированы, чем мужчины [10, с. 82]. В.М. Очирова отмечает, что женщинам в большей мере присущи важнейшие для руководителя качества: гибкость, способность к диалогу, внимательность, умение концентрироваться на главных проблемах и т.д. [11, с. 59]. В данном ракурсе позволим себе заметить, что практически все исследователи, говоря о более широком спектре позитивных качеств женщин для управления, не ссылаются на конкретные источники. В лучшем случае делают отсылку на другого автора. Обращения к исследованиям в области психологии или хотя бы социальной психологии встречается крайне редко. Это, в свою очередь, дает основание поставить под сомнение указанные выше суждения.

Второй часто встречающийся вывод связан с определением причин, ограничивающих приток женских кадров на руководящие должности. Чаше других к таким факторам ученые относят традиционалистский менталитет российских граждан, консервативные и патриархальные установки общественного сознания, низкую политическую активность самих женщин, а также специфику современных избирательных технологий, в которых большая роль отведена материальным и административным ресурсам, к которым женщины имеют ограниченный доступ [9, с. 103; 11, с. 60; 12, с. 244; 13, с. 104; 14, с. 242]. Все эти факторы в совокупности, по мнению Ю.Л. Шепелевой, создают эффект так называемого «стеклянного потолка», некой неформальной преграды, дальше которой женщина не может подняться по карьерной лестнице [14, с. 241].

В общем перечне причин часто указывается на некую историческую преюбужденность в политической культуре, которая ограничивает участие женщин в общественно-политических процессах. Это, в свою очередь, актуализирует изучение представи-

тельства женщин во властных структурах государства на разных этапах его исторического развития. В данной статье основной задачей стало исследование представительства женских кадров в составе партийно-политической элиты Южного Урала в период 1960–1980-х гг., к которой преимущественно относят секретарский корпус областных, городских и районных комитетов коммунистической партии, а также председателей исполкомов Советов соответствующего уровня. Вопросы женского представительства в составе советской политической элиты уже не раз затрагивались как в научных статьях, так и в диссертационных исследованиях, связанных с изучением социально-демографических характеристик советской номенклатуры [15–20]. Однако на материалах Южного Урала тема ранее не разрабатывалась, что дает возможность ввести в научный оборот неопубликованные архивные данные. Кроме того, исследование позволит выявить региональную специфику, опровергнуть или подтвердить общегосударственные тренды реализации гендерной политики в период расцвета и кризиса советской политической системы. Отметим, что Южно-Уральский регион включает помимо областей национальную республику и в обозначенный период отличался динамичными темпами развития аграрного и промышленного секторов экономики.

Источники и методы исследования

Источниками информации для исследования послужили ранее неопубликованные документы региональных архивов. В частности, проанализированы материалы квартальных и годовых статистических отчетов о качественном составе и сменяемости управленческих кадров бывших партийных архивов Оренбурга, Челябинска и Уфы. Статотчеты рассмотрены за каждый год заявленного периода. Важным источником стали делопроизводственные документы, а также личные дела номенклатурных функционеров региона. Методологическую основу исследования составили как специальные, так и междисциплинарные методы. В частности, привлекались сравнительно-исторический, историко-хронологический, биографический методы, проведено интервьюирование некоторых партийных лидеров.

Основная часть

Нельзя не согласиться с тем, что в советской политической системе вопросы, связанные с подбором, расстановкой и перемещением кадров, имели принципиальное значение и находились под особым контролем партийных органов. Основные принципы кадровой политики были заложены еще на стадии формирования советского государства и особенно четко оформились в 1930-е гг. Именно в этот период прозвучала знаменитая фраза И.В. Сталина, ставшая уже крылатой: «Кадры решают все». Сложившийся строй позиционировался как лучший, в том числе и в решении женского вопроса, что неоднократно отмечалось в официальных документах и отчетах. Так, в отчете Башкирского обкома в ЦК партии за 1968 г. как особое достижение подчеркивалось, что женщины занимают 21,4% должностей секретарей первичных партийных организаций республики. В этот же период в составе депутатского корпуса Верховного

Совета Башкирской АССР их удельный вес составлял 33,2%, местных Советов – 39,1% [21, л. 11]. Женскому представительству в управленческих структурах уделялось особое внимание и в советской пропаганде. На протяжении 1960–1980-х гг. упоминание о необходимости вовлечения женщин в общественно-политические процессы продолжало звучать в выступлениях руководителей страны и отдельных регионов. Так, выступая в марте 1982 г. в Ташкенте, Л.И. Брежнев подчеркивал: «Если мы пополним руководящие кадры лучшими, самыми талантливыми и авторитетными представительницами многомиллионного отряда советских женщин, от этого наше общее дело только выиграет» [22, с. 58].

Официальные заявления о том, что путь в сферу управления для женщин открыт, подкреплялись и статистическими данными. В частности, в 1980–1985 гг. их доля в Верховном Совете РФ составляла 35%, в Верховном Совете СССР 32,8%, в Верховных Советах союзных республик 36,2%, автономных республик 40,3%. [11, с. 57]. В 1987 г. в краевые, областные, окружные, районные, городские, поселковые и сельские Советы народных депутатов было избрано 49% женщин [10, с. 78]. В данном ракурсе можно констатировать возрастание общей политической активности женщин. Однако нельзя забывать, что реальной властью в стране располагала вертикаль компартии, в то время как советская вертикаль была призвана осуществлять уже принятые решения руководящих партийных органов. Советы являлись по большей части декорацией, находящейся в символической сфере.

В свою очередь, изучение партийной вертикали власти показывает достаточно высокое представительство женских кадров только на низовых партийных должностях. Так, в 1965 г. среди секретарей первичных партийных организаций Оренбургской области было 578 женщин (что составляло 21,5%), в 1990 г. их численность составляла уже 1157 (36,1%) [23, л. 226]. Увеличение представительства женщин происходило и в составе рядов коммунистической партии. К примеру, в Оренбургской областной партийной организации в 1965 г. удельный вес женщин составлял 17,8%, в 1975 г. – 21%, в 1985 г. – 27,4%, в 1991 г. – уже 31% [23, л. 144]. Тут уместно упомянуть, что членство в партии являлось показателем социальной активности, а сама партия была одним из средств вовлечения масс в общественно-политическую жизнь. Однако среди большинства групп партийно-политической элиты региона количество женщин было незначительным. Показательной в данном случае является статистика гендерного представительства в составе лидеров городских и районных парторганизаций.

Так, за весь период 1965–1990 гг. в составе первых секретарей горкомов, райкомов партии Челябинской области удельный вес женщин составлял 3,9%, в составе вторых секретарей 5,9%, в Оренбургской области соответственно – 2,9% и 1% (рассчитано по: [24, л. 3–11; 25, л. 120–128; 26, л. 28–36; 27, л. 26–36; 28, л. 22–33; 29, л. 33, 47, 50, 75–77, 89–91; 30, л. 5–13 об.; 31, л. 129–137 об.; 32, л. 7–17 об.; 33, л. 17–27 об.; 34, л. 117–127 об.; 35, л. 28–38 об.]). В составе секретарского корпуса указанных областей весомым представительством женщин было только среди тре-

тых секретарей, отвечавших за сферу идеологии. Анализ партийно-политической элиты Башкирской АССР показал схожие тенденции. С конца 1960-х гг. по 1985 г. удельный вес женщин в секретарском корпусе республики увеличился до 23,4% [40, л. 1–9 об.]. При этом большинство их занимали должности секретарей партийных комитетов по идеологии (табл. 1).

Представленная ниже диаграмма наглядно подтверждает наличие в системе региональной власти определенной ниши для женщин в виде должности секретаря по идеологии. К середине 1980-х годов количество женщин в рамках данной управленческой категории на территории Южного Урала уже существенно превышало количество мужчин (рис. 1).

В свою очередь, статистические данные по третьим секретарям позволили говорить о наличии некоторой местной специфики, несмотря на унификацию общегосударственной политики в советский период. Так, из приведенной диаграммы видно, что удельный вес женщин в числе секретарей горкомов, райкомов партии Челябинской области и Башкирской АССР существенно превосходил их количество в Оренбургской области. С другой стороны, на территории Оренбургской и Челябинской областей пик женского представительства пришелся на самый конец советской эпохи. В Башкирии же, напротив, с середины 1980-х гг. количество женщин в составе секретарского корпуса партийных комитетов резко снизилось (рис. 1). По всей видимости, это было обусловлено трансформацией политической системы, инициированной командой М.С. Горбачева. Перестроечные реформы привели к ликвидации существовавших до этого времени идеологических установок в области кадровой политики. Общий удельный вес женщин в составе секретарей горкомов, райкомов партии Башкирской АССР уменьшился на данном этапе на 8,8% и составил в 1990 г. 14,6%. В составе третьих секретарей – на 21,8% и составил 42,4% [40, л. 1–9; 41, л. 12–37].

Изучение другого среза региональной политической элиты – председателей горисполкомов, райисполкомов показало, что подавляющее их большинство также являлись мужчинами. Удельный вес женщин среди данной категории чиновников был незначительным. Для примера: в Оренбургской области за весь период с 1965 по 1990 гг. этот показатель составил 1,4%, в Челябинской области чуть более 2% (рассчитано по: [24, л. 3–11; 25, л. 120–128; 26, л. 28–36; 27, л. 26–36; 28, л. 22–33; 29, л. 33, 47, 50, 75–77, 89–91; 30, л. 5–13 об.; 31, л. 129–137 об.; 32, л. 7–17 об.; 33, л. 17–27 об.; 34, л. 117–127 об.; 35, л. 28–38 об.]).

Вместе с тем во всех указанных регионах отмечено абсолютное совпадение распределения женщин по должностям во внутренней структуре региональной власти. На всех территориях женщины, входившие в элитный круг, как правило, занимали должностные позиции третьих секретарей партийных комитетов. Женщина руководитель районной, городской партийной организации или председатель исполкома Совета в период так называемого «брежневского застоя» и перестроечный период конца 1980-х гг. – редкое исключение из правил.

Таблица 1 – Представительство женщин в составе секретарей горкомов, райкомов КПСС Южного Урала в период 1966–1990 гг., %

Регион	Категория	1966 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Челябинская область	Доля женщин в составе секретарей ГК, РК	14,7	16,7	14,3	15,6	22,0	22,6
	Из них на должности третьего секретаря	9,0	11,2	11,6	13,6	20,1	19,8
Оренбургская область	Доля женщин в составе секретарей ГК, РК	10,3	5,7	5,3	8,0	15,2	18,1
	Из них на должности третьего секретаря	6,8	5,0	4,6	7,3	14,5	16,7
Башкирская АССР	Доля женщин в составе секретарей ГК, РК	12,5	12,0	15,3	18,9	23,4	14,6
	Из них на должности третьего секретаря	9,2	8,0	13,3	17,9	22,0	14,1

Примечание. Подсчитано по: [24, л. 3–11; 25, л. 120–128; 26, л. 28–36; 27, л. 26–36; 28, л. 22–33; 29, л. 33, 47, 50, 75–77, 89–91; 30, л. 5–13 об.; 31, л. 129–137 об.; 32, л. 7–17 об.; 33, л. 17–27 об.; 34, л. 117–127 об.; 35, л. 28–38 об.; 36, л. 24; 37, л. 2–17 об.; 38, л. 2–10 об.; 39, л. 1–9 об.; 40, л. 1–9 об.; 41, л. 12–37 об.].

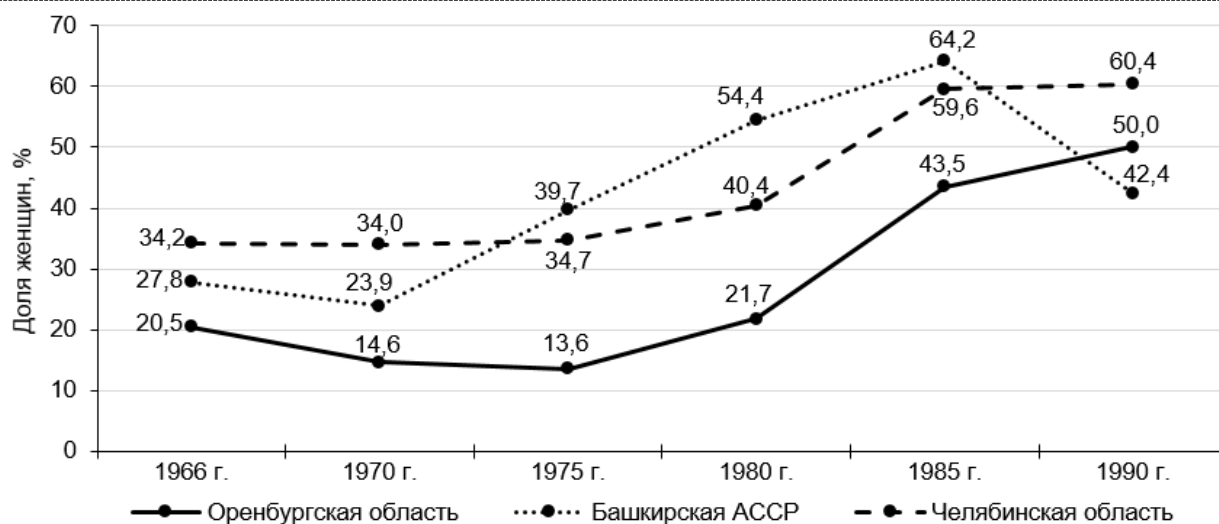

Рисунок 1 – Доля женщин в составе третьих секретарей горкомов, райкомов партии Южного Урала в период 1966–1990 гг., %

Таблица 2 – Представительство женщин в составе председателей городских и районных исполкомов Советов в период 1966–1990 гг., %

Регион	1966 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Челябинская область	3,6	2,1	–	3,7	3,6	–
Оренбургская область	2,3	2,3	4	1,9	1,9	–

Примечание. Подсчитано по: [24, л. 3–11; 25, л. 120–128; 26, л. 28–36; 27, л. 26–36; 28, л. 22–33; 29, л. 33, 47, 50, 75–77, 89–91; 30, л. 5–13 об.; 31, л. 129–137 об.; 32, л. 7–17 об.; 33, л. 17–27 об.; 34, л. 117–127 об.; 35, л. 28–38 об.].

Отметим, что на уровне Центрального Комитета КПСС представительство женщин также было минимальным. За период с 1956 по 1976 гг. удельный вес женщин в составе ЦК КПСС составлял всего 3–4%, в 1980-е гг. он варьировался в пределах 3,8–5,3%. За весь период существования Политбюро ЦК КПСС в его состав было избрано только три женщины: Е.А. Фурцева (в 1956–1957 гг. – кандидат в члены Политбюро, в 1957–1961 гг. – член Политбюро

ЦК КПСС), А.П. Бирюкова (кандидат в члены Политбюро в 1988–1990 гг.), Г.В. Семенова (член Политбюро в 1990–1991 гг.), что составляло всего 1,9% от всех членов и кандидатов в члены Политбюро [42, с. 177]. Данные факты позволяют констатировать проявление на территории Южного Урала общегосударственных тенденций в плане незначительного представительства женщин на важнейших руководящих должностях.

В данной связи интересным, на наш взгляд, становится вопрос о карьерных траекториях тех женщин, которые, вопреки общим тенденциям, были рекрутированы на лидирующие должности в региональной власти. Показательной в данном случае видится карьера А.П. Осокиной, которая на протяжении 15 лет занимала должность первого секретаря Сорочинского райкома КПСС (1972–1987 гг.). До попадания в состав руководящих кругов Антонина Павловна получила длительный опыт работы в качестве специалиста младшего и среднего звена в различных районах Оренбургской области. В частности, работала агрономом, главным агрономом в Кваркенском, Новосергиевском, Тоцком, Матвеевском, Новоорском районах Оренбургской области. В 1963–1965 гг. являлась директором совхоза в Гайском районе, затем в 1965–1972 гг. председателем Грачевско-го райисполкома [43, л. 34].

Приведенный пример показывает, что до назначения на элитную должность профессиональное становление женщины проходило в сферах, более типичных для мужчин. Скорее всего, это связано с общими установками в советской практике рекрутирования руководящих кадров. В условиях существовавшей экономической конъюнктуры необходимы были руководители, способные обеспечить функционирование индустриального общества. Как следствие, возникала установка – выдвигать на руководящие должности управленцев, хорошо знавших особенности сельскохозяйственного и промышленного производства. Таким образом, профессиональный бассейн рекрутинга будущих первых и вторых секретарей изначально был мужским. Этим же можно объяснить и преобладание женщин на должности секретарей по идеологии. Как правило, третьим секретарем становился кандидат, имеющий длительный опыт работы в сфере образования или журналистики, где количество женщин преобладало.

Таким образом, анализ статистических данных в изучении гендерного состава политической элиты Южного Урала показал наличие тенденции на увеличение общей политической активности женщин, но их низкое количественное представительство в составе партийно-политической элиты региона. В то же время в ходе исследования делопроизводственной документации не было выявлено искусственно созданных барьеров и официальных установок для сдерживания женских кадров. По нашему мнению, сложившуюся ситуацию можно объяснить экономическими устремлениями изучаемого периода. Необходимость форсированного экономического роста требовала вовлечения во властно-управленческие структуры специалистов практиков, имеющих опыт руководящей работы в отраслях народного хозяйства, среди которых женщин было существенно меньше. На наш взгляд, практика вовлечения во властные органы специалистов, хорошо знающих на практике сферу будущего руководства, адекватна и во многом способствует преодолению дисфункциональных тенденций в институтах власти. При этом в рамках современных демократических трендов нельзя отрицать, что с учетом наличия необходимых качеств и опыта работы любые искусственно созданные барьеры для включения женщин во властные управленческие структуры неприемлемы.

Список литературы:

1. Попова О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3 (68). С. 21–30.
2. Гендерные проблемы в современной России (по данным официальной статистики). М.: Алекс, 2006. 224 с.
3. Кальте З.М. Барьеры вхождения женщины во власть и возможные пути их преодоления // *Вестник Университета*. 2012. № 4. С. 38–42.
4. Айвар Л.К. Равное положение. Разное применение (гендерный вопрос) // *Вестник РАЕН*. 2013. Т. 13, № 1. С. 98–101.
5. Коханская Е.А. Роль гендерного фактора в формировании региональной элиты (на примере Забайкальского края) // *Власть*. 2014. № 10. С. 98–104.
6. Швец Л.Г., Шепелева Ю.Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития: монография. М.: Кредо, 2015. 148 с.
7. Шведова Н.А. Политические партии и гендерное равенство // *Женщина в Российском обществе*. 2016. № 4 (81). С. 21–30.
8. Сушко В.А. Гендерное неравенство в Российской политической элите // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 1 (55), ч. 3. С. 157–159.
9. Бушуева Н.В. Женское политическое лидерство: гендерные исследования в России // *Социология власти*. 2010. № 4. С. 100–108.
10. Романова Н.П., Романова И.В. Гендерное распределение власти: советский период и современность // *Теория и практика управления человеческими ресурсами: мат-лы IV междунар. оч.-заоч. науч.-практ. конф.* (2 мая 2017 г.). Чита: ЗабГУ, 2017. С. 76–83.
11. Очирова В.М. Женщины в составе региональных политических элит: к проблеме представительства // *Власть*. 2011. № 12. С. 57–60.
12. Котоманова О.В. Женщина в российском обществе: проблемы гендерного неравенства // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 5. С. 243–248.
13. Гендина О.А. Гендерные аспекты власти и властных отношений // *История мировых цивилизаций: восприятие, образ, репрезентация власти: мат-лы IX всерос. науч. конф.* Красноярск, 21 апреля 2015 г. / отв. ред. Е.С. Меер. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2016. С. 102–113.
14. Шепелева Ю.Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2016. № 3. С. 240–245.
15. Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б) КПСС: Тамбовская область, 1945–1982 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
16. Алексеенко И.А. Региональная политическая элита Алтайского края в 1960–1991 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 22 с.
17. Головинова Ю.В. Женщины в партийной элите Алтайского края в 1938–1955 гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4–2 (80). С. 131–134.
18. Кузнецова П.Ю. Эволюция регионального аппарата КПСС как социальной группы: 1965–1985 гг.: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2007. 23 с.
19. Сулейманова Р.Н. Женский социум советской Башкирии в 1945–1965 гг.: опыт организации, формы политической активности // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 69–77.

20. Шевченко Л.А. Женщины в органах власти Иркутской области во второй половине XX века // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. 2014. № 2 (09). С. 418–427.

21. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 74. Д. 231.

22. Вопросы партийной работы в свете решений XXVI съезда КПСС / сост. Н.А. Золотарев, А.М. Королев. М.: Политиздат, 1982. 255 с.

23. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 8021. Оп. 1. Д. 596.

24. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 34. Д. 111-б.

25. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 40. Д. 290.

26. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 65. Д. 59.

27. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 75. Д. 101.

28. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 88. Д. 117.

29. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 97. Д. 600.

30. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 161. Д. 143а.

31. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 167. Д. 131.

32. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 179. Д. 184.

33. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 192. Д. 240.

34. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 197. Д. 229.

35. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 201. Д. 1835.

36. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 75. Д. 239.

37. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 135. Д. 331.

38. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 135. Д. 405.

39. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 135. Д. 425.

40. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 135. Д. 481.

41. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 135. Д. 520.

42. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. 238 с.

43. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 94. Д. 227.

Публикация подготовлена в рамках программы поддержки молодых ученых Оренбургской области (в соответствии с Указом Губернатора Оренбургской области № 181-ук от 19.04.2021 г.).

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Пахомов Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества; Оренбургский государственный медицинский университет (г. Оренбург, Российская Федерация). E-mail: andrei-v-pahomov@yandex.ru.</p>	<p>Pakhomov Andrei Viktorovich, candidate of historical sciences, associate professor of Domestic History Department; Orenburg State Medical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: andrei-v-pahomov@yandex.ru.</p>

Для цитирования:

Пахомов А.В. Гендерная характеристика партийно-политической элиты Южного Урала второй половины 1960–1980-х годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 208–213. DOI: 10.17816/snv2021104212.